

Стенограмма доклада на 3 ступени 14 января 2023 г.

«Виды и модели супервизии»

Когда готовилась к этой теме, я была разочарована, потому что оказалось, что все, что написано об этом в специальной зарубежной и отечественной литературе по супервизии - скучотища несусветная. Бери любой учебник по супервизии и смотри: вот модели, вот понятные задачи. Все задекларировано, описано каким-то жестким языком, можно сказать, административным, соответствующим рамкам контракта или договора. Супервизор, супервизант, правила поведения и отношений. Все академично, научно и последовательно. Поэтому, все, о чем буду говорить, будет, наверное, чисто академическим, а что-то постараюсь разбавить живыми рассуждениями.

Хотелось бы быть в диалоге и для начала спросить:

- Какие у вас ассоциации с понятием «супервизия»?
- Для чего она нужна?

Из комментариев участников

- *Поддержка.*
- *Объективный взгляд.*
- *Работа над кейсом, расширение взгляда такого.*
- *Подсветка моих белых пятен в работе.*
- *Развитие.*
- *Укрепление самоидентичности*
- *Понять перенос*
- *Разделение какое-то, разделить с кем-то, как-то свериться.*
- *Разделить чувства, мысли.*

Да, очень часто супервизия — это возможность разделить свою собственную тревогу по поводу качества работы, своего собственного страдания; каких-то чувств, которые возникают, болезненных, или, как некоторые супервизанты говорят, плохих чувств в отношении клиента.

Сегодня будет возможность еще раз про это как-то обозначиться. Мне легко работать с вами, потому что вы все уже «продвинутые» терапевты и понимаете, что мне не надо вас агитировать и убеждать в том, что супервизия сейчас является одним из самых важных способов обучения психотерапевтов, является серьезным ресурсом и необходимым условием получения квалификации. Обучающийся психотерапевт должен получить

определенное количество часов супервизии. Она является важнейшей составляющей любой подготовки – будь то обучение психотерапевтов или психологов-консультантов, особенно на первоначальном этапе.

Обычно получение профессиональной квалификации в любых других профессиях предполагает, что специалист способен работать уже без наставника, самостоятельно. То есть человек получает какое-то образование и может выполнять свои профессиональные функции совершенно без какого-то сопровождения, без патронажа. Что касается психотерапевтической или психологической практической работы, то, по сути, обучение, иными словами, супервизия требует продолжения, продолжительного времени. То есть до тех пор, пока терапевт работает, имеет клиентов, имеет группы, он по сути нуждается в супервизии. Супервизия – это обучение, это большая профессиональная поддержка, большой профессиональный ресурс. Это большая забота терапевта о себе в работе и большая профилактика выгорания.

Немного истории:

Не могу не сказать про то, что всматриваясь в годы, когда начинал развиваться психоанализ, психотерапия, мы можем предполагать, что ни у Фрейда и Юнга, ни у их современников не было супервизии. Безусловно, у них были учителя, но такой супервизии классической, какую мы сейчас представляем, какую имеем возможность получать сегодня, не было. Супервизия осуществлялась в то время (конец XIX – начало XX века) неформально. То есть по поводу клинических случаев сам Фрейд или Юнг, их коллеги консультировались письменно, при переписке, во время личных встреч на международных конгрессах и в личном анализе. То есть они приносили свои клинические случаи на свой собственный анализ. И хочется думать, что первым опытом групповой супервизии стали знаменитые фрейдовские встречи по средам, знаменитые «Фрейдовские среды», которые постепенно в течение пяти — десяти лет превратились в знаменитое Венское психоаналитическое общество. Там были звезды психоанализа. Таким образом, до 20-х годов XX века не было других способов распространения психотерапевтических знаний, кроме неформального, бессистемного обучения, своеобразного обучения «через переживание». (Вы узнаете знаменитый труд Уилфреда Биона «Опыт обучения через переживание»?). О З. Фрейде есть прекрасная книга – в которой Макс Граф вспоминает о том, как проходили собрания у Фрейда по средам: *«это обязательно были какие-то ритуалы. Сначала докладывал кто-то один. Докладывал либо клинический случай, либо статью, которая выйдет скоро в издательстве; либо самораскрывались, говорили о своих каких-то собственных переживаниях и проблемах, что очень приветствовалось. Доклад длился где-то около часа. Затем подавали черный кофе и пирожные. Сигары и сигареты*

лежали на столе и потреблялись в огромных количествах». Представьте себе! В такой обстановке: все курили сигары, сигареты, пили черный кофе, ели пирожные, обсуждали, размышляли, спорили. После таких кулуарных обсуждений (перерыв длился минут 15) начиналось обсуждение. Солидное академическое обсуждение. Последнее, решающее слово всегда оставалось за самим Фрейдом. Макс Граф пишет: «Мы как будто бы закладывали основы новой религии в этих встречах. Для приема в Психологическое общество требовалось общее согласие членов (заметьте, было правило). У нас в современных правилах супервизионной группы тоже требуется общее согласие, все члены группы должны быть согласны, чтобы вошел новый какой-то участник.

Секретарем был Отто Ранк, именно его записи дают нам сегодня возможность узнать подробности о собраниях психоаналитического общества. Его задача состояла в том, чтобы описывать каждое заседание. Они рассматривали истории болезни пациентов, проводили психоанализ героев литературных, произведений. (Что мы тоже сегодня используем в форматах киносупервизии, литературных супервизиях). Рассказывали о предстоящих публикациях. Иногда вечер был посвящен чьей-то исповеди. Очень интересно.

И здесь мы можем увидеть все то, на что сегодня обращает внимание групп-аналитический подход в супервизии:

- и правила их собраний;
- и роль ведущего, отношение к его власти участников группы;
- групповую динамику, как они развивались, какие были страсти;
- атаки на власть ведущего и их разрешение. З.Фрейд был и формальным, и неформальным лидером. О нем с большим восхищением Отто Ранк пишет: *«его авторитет был непререкаем. Никто не мог так анализировать или давать какие-то интерпретации, очень так глубоко видеть за пределы понимания представляемого материала»*. И тот, кто был не согласен с Фрейдом, изгонялся из этого психоаналитического сообщества, или сам удалялся. Потом, как нам сегодня известно, что и Юнг, и Адлер, и многие его ученики ушли, пошли собственным путем, стали создавать новые психоаналитические направления;
- и смешение форматов психотерапии и супервизии. Потому что кто-то представлял свой собственный случай, делился своими собственными историями и страданиями (если будет у меня где-то уместно сказать, что первое, что должен понимать супервизант и супервизор — это то, как различаются эти два формата- психотерапия и супервизия. На первый взгляд, они очень похожи, но на самом деле супервизант и супервизор должны

четко представлять, где границы терапии. Где заканчивается терапия, а где начинается супервизия);

- конкуренция между участниками группы.

Мы сегодня можем исторически посмотреть, как развивалось такое важное явление в психоанализе и психотерапии как **супервизия**.

Перейдем к нашему основному материалу.

Какие **функции у супервизии**? У супервизии классически так уже всеми признаны в различных теоретических источниках такие функции, как: *образовательная, поддерживающая, направляющая*.

Образовательная –помогает лучше понимать и осознавать собственные реакции супервизанта, понимать динамику взаимодействия с клиентом, исследовать различные процессы, связанные с тем направлением, в котором работает супервизант.

Вторая функция – это *поддерживающая*. Понятно, что она близка к терапевтической функции, потому что сам терапевт испытывает при работе с клиентом страдания, боль, дезинтеграцию, и поэтому поддержка супервизора очень важна.

И третья - **направляющая** функция. То есть это ответственность супервизора за профессионализм в работе терапевта с клиентом. То есть супервизор, по сути, отвечает за эффективность работы своего супервизанта с клиентом, за результаты работы с клиентом, по сути за клиента.

Какие **виды супервизии** существуют? Их много! Я тут просто добавляла и добавляла.

Виды супервизии по функциям: *наставническая, обучающая, направляющая, консультирующая*. Сами наименования за себя говорят, можно не расшифровывать. По форме и задачам существуют *групповые* и *индивидуальные* супервизии, очные (когда супервизор присутствует и наблюдает за парой «клиент – терапевт») и *заочные* (когда супервизант докладывает случай супервизору). Супервизия, когда супервизант сам себе может выбирать супервизора, сам себе может выбирать группу. Или в рамках учебного процесса супервизора назначают. Этот процесс выбора супервизора тоже привносит свою динамику в процесс супервизии. Когда ты не можешь выбирать, когда тебя обязывают.

Маленькое отступление: про роли и характеры супервизора, их типаж. Например, в юнгианском анализе была попытка найти мифы или героя, чтобы так или иначе репрезентировали разные типы супервизоров. Если интересно, то в книге «Супервизия супервизора» под редакцией Дж. Винер и Р. Майзер больше про это написано. Была попытка в мифах найти разные прототипы супервизоров. Вот один из героев мне показался очень интересным: *«Прокруст был людоедом, который жил в замке, расположенном вблизи дороги, ведущей в Афины. Он заманивал путников в этот замок и*

укладывал их на свое ложе (на свое ложе, заметьте, не просто, а на свое, которое подходило именно ему). Если оказывалось, что ложе путнику мало, то он отпиливал те части тела, которые там не вмещались. Если ложе оказывалось велико, то он бил их молотком, чтобы растянуть тела. В конце концов Прокруст был убит Тесеем, когда тот проходил мимо по дороге в Афины, где намеревался захватить власть». Если посмотреть на этот процесс как на супервизорский не только про захват власти, про атаку на власть (Про отношения Прокруста и Тесея). Но и на то, что «в Прокрусте можно увидеть прототип супервизора, который не способен смириться с индивидуальными различиями, во что бы то ни стало пытается привести всех к единому образу и подобию. Это один из самых наиболее ярких вариантов». Такой прототип мне показался очень выразительным и показательным.

Модели супервизии.

Здесь побольше материала.

Моделью в супервизии называется систематический образ действий, то есть метод, с помощью которого проходит супервизия. Сошлюсь на Ирину Булюбаш. Она в 2003 году еще написала книгу про супервизию в гештальт-подходе. Эта книга доступна в Интернете, многие на нее ссылаются. Можно сказать, она пишет о том, что это была чуть ли не первая книга по супервизии от наших российских авторов. Потом подхватывают ее психоаналитики и автор монографии Кулаков С. А. "Супервизия в психотерапии" Они оба утверждают, что знание моделей и видов супервизии является основой или основанием обучения супервизора. То есть супервизоры должны владеть разными формами и моделями супервизии.

Вопрос к аудитории: Интересно, каждый опытный терапевт, который качественно, эффективно работает, у которого «длинные» клиенты, у которого достаточно большая устойчивая практика, который много и хорошо показал эффективность своей работы – может ли он быть наставником, супервизором, может ли он начать просто так работать уже супервизором?

– *Чаще всего и работают;*

– *Без образования специального? Просто как наставник, да!*

– *Мы когда обучались, так и работали;*

Вы занимали рефлексивную позицию, позицию наблюдателя, человека, который выполнял роль зеркала такого стороннего наблюдателя. Да, условно мы называем это супервизией в учебных упражнениях. Это часть обучения в определенной

психологической школе. Например, это свойственно гештальт-подходу, экзистенциальному подходу.

По сути, все, кто пишет о супервизии – утверждает, что супервизор нуждается в особом специальном обучении, специальном знании. Потому что к роли супервизора много специальных требований. И если супервизия непрофессиональная - чаще всего она превращается в терапию или навязывание интерпретаций своего видения супервизором. И на самом деле если еще существует понятие «дикий психотерапии» в России, конечно, потихонечку эту культуру стандартов образовательных через различные системы обучения мы все вместе привносим. Очень важно привести в соответствие требования к образованию для практических психологов и психотерапевтов, работающих в немедицинской модели. То же самое касается и супервизии. Мы находимся с вами в стенах Института Супервизии и Групповой психотерапии, одна из задач которого – давать образование супервизорам и развивать культуру супервизии в России. Мы очень в этом нуждаемся. И коллеги, присутствующие здесь, кто закончил курс «Группа как среда для супервизии», думаю, согласятся со мной. Я думаю, уверена, что все мы способствуем тому, чтобы развивать культуру супервизии своей работой, своим вкладом в обучение студентов-психологов, терапевтов.

Какие модели предлагает нам литература теоретическая?

Модель, которую предлагает Г. Леддик ((Leddick & Border, 1987): *развивающая, интегративная, специфически-ориентированная*. Висконсинский проект клинической супервизии предлагает *психодинамическую модель, модель развития, модель семейной терапии*. И вот, например, один из авторов учебника по супервизии предлагает опираться на модель Кендры Смит и выделяет такие модели (я буду тоже ориентироваться на эти модели): 1) *модели супервизии, основанные на модальности психотерапии*. То есть такие как: психодинамический подход, когнитивно-поведенческий, центрированный, экзистенциальный, гештальт-подход, телесно-ориентированный. Каждое направление имеет свою специфику супервизии; 2) *развивающие модели*; и 3) *интегративная модель*.

Думаю, поскольку все здесь практикующие психотерапевты интереснее рассмотреть модели супервизии, основанные на психотерапии. Приблизить эти модели супервизии к практике. Еще раз повторюсь, что в этом случае супервизия следует за рамками и техниками конкретной модели психотерапии. Модели супервизии, основанные на психотерапии, часто кажутся абсолютно естественным продолжением самой терапии, именно теоретическая матрица определяет фокус и выбор клинических данных, которые обсуждаются в супервизии. Хочу привести несколько примеров:

Например, **психодинамический подход**. Психодинамический подход в первую очередь теоретически опирается на процессы, характерные для психоанализа (аффективные реакции, защитные механизмы). На что смотрит супервизор, что обсуждает с аналитиком? На реакции переноса, контрпереноса, на стадию психосексуального развития и тому подобное. То есть их язык будет специфичным, и сама супервизия будет специфична. И в теоретической литературе делят психодинамическую супервизию на три категории. Первая – *ориентированная на пациента*. То есть в фокусе главное, что происходит с пациентом. Обратите внимание, какие термины я использую. Как смотрят на человека в анализе? То есть это пациент. Второе – подход, *ориентированный на супервизанта*. И третий подход – *ориентированный на супервизорскую матрицу*. Если говорить о том, как мы смотрим на пациента, то основатель этого подхода и последователь его продолжает активно этот взгляд на процесс супервизии, то есть она в первую очередь обращена на особенности личности пациента, на соответствие поведения. Супервизор в этом случае, в первую очередь, учитель, авторитетный или часто авторитарный эксперт. Супервизия носит дидактический характер с целью помочь терапевту понять, получить материал интерпретации и лечить материал пациента. То есть в этом смысле супервизор – гуру. Гуру более опытный, продвинутый, прошедший все стадии обучения психоаналитик, который занимает позицию «над» терапевтом, и они вместе рассматривают пациента. Ну, собственно говоря, у Венского психоаналитического общества так и было, когда все присутствующие обсуждали, что же происходит с пациентом. И последнее слово было за З.Фрейдом

Второй подход – он направлен на супервизанта. Примерно где-то в 50-60-х годах XX столетия она была очень популярной, такая супервизия считалась очень продвинутой. И была сфокусирована на сопротивлениях, тревогах и проблемах самого терапевта, самого супервизируемого. Чаще всего смотрели на феномены переноса и контрпереноса. Этот подход сейчас развивается, он популярный в психоаналитических кругах. И, например, в Питере я слушала мастер-класс по супервизии одного из психоаналитиков. Мне показалось важным то, что они используют феноменологический подход в супервизии, и в фокусе супервизии находятся сознательные и бессознательные феномены, которые возникают непосредственно в процессе супервизии. Что мне показалось интересным, что они рассматривают контрперенос аналитика с двух сторон. Контрперенос как эмоциональный ответ аналитика на переживания клиента. И невротический контрперенос, который связан с личной историей аналитика, его переживаниями и несет информацию в первую очередь о самом аналитике, о самом терапевте. Мы часто в супервизионных группах с этим работаем. Мне представляется это важным. Мы не называем это

невротическим переносом. Мы просто пытаемся различить: что относится к теме переживаний и к теме истории самого терапевта, а что является контрпереносными чувствами, связанными с переживаниями клиента (или с пациента), что именно помещает в терапевта как в «контейнер» клиент. Это очень важный момент и важная профессиональная способность – умение различать это. Чтобы и сам терапевт или аналитик умел при получении супервизии на это ориентироваться. Что в процессе работы является проективной идентификацией клиента, которую он выгружает в терапевта, а что является проблематикой самого супервизанта.

Супервизор в этот момент, когда фокус его внимания направлен на супервизанта - не вовлечённый, авторитетный, в позиции «эксперта». Ориентирован на стимуляцию собственного психологического и профессионального роста терапевта. Клиент его практически не интересует, его больше интересует супервизируемый. Он работает на личностный рост, на способность рефлексировать, на профессиональное развитие самого аналитика.

Третий подход – динамический, он ориентирован на супервизорскую матрицу. Подход этот открывает больше материала в супервизии, так как он относится не только к материалу клиента или терапевта, но и затрагивает исследование непосредственных отношений между супервизором и супервизантом. То есть супервизор в этой ситуации не занимает стороннюю рефлексивную позицию, а становится активным участником процесса. Его задача: активно размышлять, участвовать, «отрабатывать» отыгрывание, интерпретировать темы отношений. И часто во внимание попадает такая популярная сейчас тема, которая пришла к нам в групп-аналитическую парадигму – параллельные процессы. Параллельный процесс высвечивает, какие похожие коммуникации разворачиваются между супервизором и супервизантом, и как это происходит в отношениях терапевта и клиента.

Ещё важно, что в психодинамическом подходе очень строгий сеттинг. И супервизия, как утверждают супервизоры - аналитики, является частью внутреннего сеттинга самого психотерапевта. Внутренний сеттинг. То есть это становится потребностью, дисциплиной обращаться к супервизии. Привычка, которая становится частью процесса работы аналитика, при самом благоприятном раскладе в развитии аналитика.

Хотелось бы вместе посмотреть на супервизию в когнитивно-поведенческом подходе. В протоколах супервизии видна их структура мышления, их философия отношения к своим клиентам. Посмотрите, как их супервизируют. Просто представьте, на что фокус в когнитивно-поведенческой терапии. Это Шкала для оценки кейса на индивидуальной супервизии. Часто требуется видеозапись или аудиозапись, например,

при аттестации, при аккредитации. Очень строгие правила. И проводят обязательно очную супервизию. Есть такой протокол; есть инструкция, что каждый критерий оценивается по Шкале от нуля до шести баллов. Например: если терапевт хорошо определил повестку дня, но не определил приоритеты, то лучше поставить ему пять баллов, чем шесть, или даже четыре. Вот оценки Шкалы: «Плохо», «Едва достаточно», «Посредственно», «Удовлетворительно», «Хорошо», «Очень хорошо», «Отлично».

– *А шесть – это что?*

– Шесть – это «Превзошел себя», я думаю.

Смотрите, общетерапевтические навыки оцениваются. **Повестка дня.** То есть запрос, я так понимаю. Клиент дает понимание о том, над чем они сегодня будут работать. **Обратная связь** (от «терапевт не попросил пациента дать обратную связь, чтобы определить, насколько пациент понял материал, и как на него отреагировал», и до «терапевт уверенно получал обратную связь от пациента»). **Понимание** («терапевт несколько раз не смог понять, что сказал пациент, поэтому постоянно упускал главное» – «ноль, плохая эмпатия». И до – «терапевт понял внутреннюю реальность пациента, умело передавал и понимал вербальную и невербальную информацию». «Отличная эмпатия, межличностная эффективность, сотрудничество, темп и распределение времени»).

Очень много полезного материала можно взять из такого способа оценки эффективности работы для саморефлексии. Концептуализация, стратегии, техники. То есть требование, чтобы обязательно в когнитивно-поведенческом были использованы схемы, техники.

Хочу обратить внимание, что схема-терапия и КПТ – это сплошные инструменты. В каких-то направлениях мы будем видеть, что важна философия отношений; понимание структуры личности. В клинической супервизии нужно будет смотреть диагноз, критерии, проявление каких-то особенностей поведенческого рисунка. А здесь техники и схемы. Очень важно фокусирование на основных когнициях и поведении, стратегии изменений. То есть это обязательная составляющая терапии, и супервизор смотрит, какая стратегия изменений у клиента. Думаю, что вы знакомы с модальностями психотерапии и понимаете, что есть психотерапевтические направления, которые направлены на изменения, а есть такие, например, как экзистенциальная терапия, которые направлены на понимание реальности, мира клиента, работу над приятием своего мира, и уже только после этого не сам терапевт должен стратегию изменений предписывать, продумывать для клиента, а только вместе, в том темпе, в каком движется клиент. И то же самое в супервизии отражается. То есть, по сути, супервизор тоже не только оценивает это, но и обсуждает, насколько технически был совершенен терапевт.

И домашнее задание. То есть в этой практике терапии обязательно домашнее задание.

Вот такая интересная индивидуальная супервизия для когнитивно-поведенческой терапии.

И еще я хотела бы немного уделить времени экзистенциальной супервизии. Литературы предельно мало, но я нашла материалы, документы у Р.Кочюнаса, из его семинаров, из тех зарубежных коллег - экзистенциалистов, которых он приглашает в свою Школу в Бирштонесе. Чем отличается экзистенциальная супервизия?

Если описывать психодинамический подход и когнитивно-поведенческий, то чаще всего традиционной супервизии свойственны родительские отношения, в которых основное внимание уделяется нуждам супервизанта, на которого откликается, как правило, более опытный мастер-коллега. То есть супервизор «сверху». Он такой эксперт, правитель, гуру, непререкаемый авторитет. В экзистенциальной супервизии подчеркивается партнерство в отношениях супервизора и супервизанта.

Я бы хотела здесь, в этом месте чуть-чуть отвлечься, потому что увидела в основателях супервизионного подхода Мартина Бубера, который разработал философию диалога в коммуникации. И вспомнила о том, что когда-то читала лекцию про герменевтику для психотерапевтов. И подумала о том, что если я попробовала перенести герменевтические подходы к терапевтической практике, то можно посмотреть на это и как на типы супервизорских отношений.

Что такое герменевтика, знаете? Герменевтика – это искусство текстов. В более широком смысле – истолкование, интерпретация, понимание. Это отдельный раздел философии, очень интересный, и много есть различных исследований на эту тему. Я очень кратко. Есть несколько подходов в герменевтике, в искусстве толкования текстов. И тут я вспомнила книгу, которую мы читали в начале 90-х. - «Как читать человека словно книгу» Дж.Ниренберг, Г.Калеро.

То есть человек - это книга, это особый текст, это особенный мир, написанный человеком, наполненный метафорами событий, такой особенный мир. Человек и есть этот мир, наполненный огромным количеством составляющих.

И тогда мы можем его мир толковать через философию герменевтики. Вот какие подходы толкования в герменевтике. Их четыре.

Первый – это **герменевтика подозрения**. Речь шла о текстах, чаще всего об исторических памятниках. Религиозные тексты И главные представители герменевтики подозрений – это З.Фрейд и К.Маркс. Слышите в слове «подозрение», значит есть какой-то подвох, что-то явное скрыто. Что тому, что я вижу, слышу, читаю доверять нельзя. Человек, который читает книгу - наш современник - он, во-первых, считает, что он

гораздо более высокого уровня развития, а следовательно, он имеет право толковать свысока. Интерпретирует так как он считает нужным. Если переводить на язык клиент-терапевтических отношений – то он может себе позволить считать, что клиенты врут, не надо им верить. И до сих пор это ярко проявлено в психоанализе. «Пациент врёт. Он же не говорит правды». Он заглядывает за текст, за его пределы и начинает предполагать, что он лучше знает, что хотел сказать автор, что хотел сказать клиент, что «хотел сказать» текст. Он лучше знает и понимает. И к супервизии применимо такое отношение. У нас много таких супервизоров, которые эксперты во всех психологических вопросах. И часто бессознательные процессы, которые мы улавливаем в супервизии, собственно говоря, нам часто дают такую почву. Вот мы, заглядывая за пределы сознательных реакций клиента говорим: «это – разыгрывание», «это – отыгрывание», «это – перенос», Как будто бы мы больше знаем, понимаем, что происходит, чем сам человек.

Второй подход – это герменевтика прогресса и эволюции. Представитель этой герменевтики - Эрих Фромм, замечательный экзистенциальный философ. Э.Фромм в своей философии Свободы сравнил этапы развития всего человечества с этапами развития отдельного человека. Какие эти этапы? Первый – это симбиотическая связь с матерью. Очень большая близость, когда ребенок не может самостоятельно выжить без матери, очень тесно с ней связан, привязан, без нее не может физически существовать. Он сравнивает такой способ существования и привязанности, с первым этапом развития человечества - например, с первобытными народами, которые не могут оторваться от своей земли, своего места, где они живут, с племенами, малыми народностями, которые не могут жить без той земли, на которой они родились.

Второй этап развития человека – это появление его связи с отцом. Законы и правила отца. Для человеческого развития этот период тесно связан с оформлением религий. То есть на втором этапе развития появляется отец, появляется какая-то отеческая божественная фигура. Такая потребность в том, чтобы кто-то нес эти правила, предписывал, отвечал за их исполнение.

И третий этап – это развитие автономности, когда человек понимает, что он принял законы отца, но может выходить за их пределы, и, опираясь на законы отца, создавать свои собственные законы и жить своей собственной автономной жизнью. С этим он связывает понятие свободы, самостоятельности, ответственности, развития, творчества человека, его прогресса. И народы точно так же – отражение этого процесса в историях развития цивилизаций.

Если опираться на эти закономерности развития – то мы можем рассматривать клиента с точки зрения того, на каком этапе развития он находится. И в зависимости от

этого возникают задачи. И супервизор тоже смотрит на клиента, на супервизанта с точки зрения того, в какой точке развития он находится. И часто так и происходит: когда супервизант в супервизии (а клиент в терапии) перерастают своего терапевта, или своего супервизора и движется уже дальше по какому-то новому пути, сам становится супервизором, ищет новые какие-то способы развития.

Еще один тип герменевтики – это герменевтика смирения. Герменевтика Лео Штрауса. Идея её заключается в том, что человек постепенно вообще утратил интерес к истине, а те мечтатели и искатели истины, искатели истинных смыслов, которые существуют, они воспринимаются как какие-то одержимые, юродивые, как «не от мира сего». Сейчас человек, поддаваясь каким-то современным законам жизни, утратил эту настоящую подлинность, утратил интерес к настоящим смыслам, утратил интерес к истине. И он призывает к такому подходу, отношению, как смирение и благоговение. У Германа Гессе есть прекрасная экзистенциальная вещь «Сиддхартха», и там есть такая мысль: «если долго сидеть на берегу реки, то можно дожждаться, когда проплывет труп твоего врага», – ничего не делать, просто сидеть, ждать дожждаться истины! И вот если ждать, прислушиваться с благоговением, с интересом, с любопытством, можно дожждаться истинного смысла. Ну, в первую очередь этот подход говорит нам, конечно, об исторической культуре о том, что мы утратили. В буддизме это сильно. А мы как будто свысока относимся к этим произведениям искусства, историческим памятникам и считаем, что мы настолько прогрессивны и далеко ушли со своими цифровыми технологиями, что нас эти тексты не способны ничему новому научить. И точно также мы утратили отношение к человеку, как будто мы столько всего уже знаем, что удивить нас уже ничем не возможно. По-моему, у Дж. Энрайта («Гештальт, ведущий к просветлению»), была тоже такая фраза, которая меня зацепила когда-то: «никогда не проходи мимо человека и мимо ситуации, пока ты не поймёшь, что ты взял все от нее всё, что возможно»

И вот это благоговение, смирение, готовность слушать и слушать клиента... А я переношу это на супервизанта, слушать внимательно, чтобы не пропустить момент истины, пока как говорят аналитики не появится тот самый «избранный факт». Вот где так полезно это благоговение и смирение. И в этом контексте ты находишься в ситуации такого особого любопытства и глубокого интереса к своему собеседнику.

И четвертый подход – это и есть Мартин Бубер, это диалоговая система отношений, когда существуют на равных отношения «Я и Другой», и «Другой» – с большой буквы. Понимание, принятие себя, самоидентификация и очень большое, уважительное отношение ко всему тому, что я несу своим миром. И этот Другой – его мир не менее значим. То есть в этом смысле, если мы как терапевты учимся у наших клиентов, то и мы,

супервизоры, очень многому учимся у наших супервизантов. И тогда мы как будто бы готовы к этой большой встрече, к Со-бытию. Это очень мощный подход. И Тиллих, и Бубер – у них очень сильные экзистенциальные идеи, поэтому мне кажется очень полезным это знать. Нести как мировоззрение. М. Бубер различает «отношенческий» подход: диалоговый - «Я и Ты» («Я и Другой») от подхода «Я и они». «Я и они» - это манипулятивный, чисто функциональный подход. Мы часто с этим встречаемся в супервизии или терапии, когда или клиент использует терапевта, или терапевт использует клиента, или супервизант использует супервизора, или супервизор использует, удовлетворяя свои собственные какие-то потребности за счет другого человека.

И вот в экзистенциальной супервизии подчеркивается партнерство в отношениях супервизора и супервизанта – Буберовский диалогический подход. И, исходя из этого, основные усилия супервизора направлены не на интерпретацию, не на объяснение того, что с клиентом происходит, не на возможные способы его изменения, а на понимание того, что происходит в моменте встречи. Мне очень нравится, что Спинелли это называет: – то, что происходит «в терапевтическом мире» (между терапевтом и клиентом), и то, что происходит «в супервизорском мире» (между супервизором и супервизантом).

Приведу вчерашний пример из групповой супервизии. Как иллюстрация к тому, что я хочу сказать. Какие тревоги, чем наполнен терапевтический мир? Давайте посмотрим. Клиенты часто не знают, что хотят, не могут сформулировать запрос, не понимают, что чувствуют (нет доступа к чувствам), не чувствуют себя способными создавать свою судьбу, опираясь только на собственные силы, их самооценка и выбор зависят только от других. То есть только извне: если подтверждают, что ты ценен, только если есть такие люди рядом, которые будут это обозначать и оценивать. Их самооценка и выбор зависят от других. Они не справляются с собственной тревогой. Они прерывают отношения, если поведение других не соответствует их ожиданиям. И тогда возникают ожидания клиента к терапевту: сделай что-нибудь с моей жизнью, помоги мне, сделай что-нибудь, чтобы моя жизнь стала лучше, измени меня. Если ты не сможешь, значит, ты недостаточно компетентен, я тогда ухожу от тебя, ты, в общем, плохой профессионал. И тогда подобные ожидания клиента у терапевта (в супервизии) рождают ответную тревогу: что мне делать, чтобы помочь клиенту? Я неэффективный терапевт. Что будет, если клиент поймет, что у меня нет ответов на его вопросы? Могу ли я называться психотерапевтом, если я не знаю, что мне делать, если я не могу помочь ему изменить его жизнь? Или: «я боюсь навредить клиенту», «я боюсь разрушить его жизнь».

Такого рода вопросы заполняют терапевтическое пространство. Терапевт изначально воспринимает клиента как слабого, неспособного, беспомощного и берет на себя, как

должное, ответственность за его судьбу – точно должен быстро что-то для него сделать. Он должен помогать, срочно его изменять. А если нет, он вообще никчемный терапевт. Вот вчера такой случай был в супервизии. Молодая женщина, мать трех маленьких детей, переехавшая в Турцию по причине релокации фирмы супруга. Муж целый день работает, социальных связей нет, она не знает, что делать. Она обращается к терапевту (супервизанту), участнику одной из наших групп, обращается фактически с вопросами: что делать, что делать? И супервизант приносит это же чувство: «что мне делать?», «я некомпетентный терапевт», «ей надо срочно возвращаться в Россию» «я боюсь разрушить ее жизнь», «ей надо бросить этого мужа»! Супервизантка захвачена, хочет влиять на реальную жизнь этой женщины («у нее ребенок маленький, а она: вот ей надо уехать, ей срочно надо найти работу, ей надо срочно узнать... А она же не хочет меняться, – что мне делать?»). И в супервизии группой мы разговаривали о том, что важно вернуть терапевту способность быть в этом Со-бытии, то есть не менять реальную жизнь клиента, понять проективные идентификации, различить чувства клиента и свои, вернуть терапевтическую позицию терапевту...

То есть мы можем в своей супервизии помогать терапевту и передаем этот опыт, мы можем встречаться только с тем, что происходит здесь и сейчас с нашим клиентом, в нашем кабинете, а дальше – это уже клиент сам отвечает за то, что делает со своей жизнью за пределами нашего терапевтического мира. Точно так же и в супервизии. говорим о том, что нужно доверять клиенту, нужно возвращать супервизанту, способность учиться у клиента, учиться доверять ему. А учиться у клиента становится возможным лишь тогда, когда терапевт (супервизант) перестает оценивать клиента, эффективность его жизни ценным, позволяет ему быть тем, кто он есть сейчас, признает его жизнь, его способ жизни, его защиты, его способ связей с его миром, а не пытается его менять, чинить, исправлять и так далее. То есть в этом смысле безоценочность, принятие, вот это благоговение, поиск того, что любопытного, что истинного, что смыслового есть у этой встречи вот здесь и теперь. И возвращение, и фокусирование на том, что происходит здесь и сейчас. Также используется параллельный процесс: как наша сегодняшняя ситуация вообще соответствует тому, что происходит в терапии. Здесь помогает и особое слушание, потому что нужно и супервизору, свернув все свои ожидания, представления, не торопиться интерпретировать, не давать скоропостижные объяснения. И главная задача – не менять, не торопиться управлять процессом, а быть способным понять, что происходит в терапии (супервизии) путем расширения смыслов и внимательного отношения к терапевтическим феноменам. Решающую роль здесь играет атмосфера: супервизор или группа должны быть надежным контейнером, способным выдерживать большие

напряжения. Понятно, что у каждого «контейнера» есть свой ресурс, но вот сама атмосфера принятия, надежности увеличивает ёмкость.

В книге Питера Ховкинс, Робина Шохет – «Супервизия» (2002 г.) много написано про клиническую мудрость супервизора. «Клиническая мудрость», – мне так нравится это словосочетание, потому что слова «мудрость» мы давно уже стесняемся. Как правило, мы используем эти слова только в адрес каких-то старейшин, людей с большим опытом. На самом деле клиническая мудрость не помешает и терапевту, и супервизору, и родительским фигурам. И вот фундаментальные элементы клинической мудрости заключаются в теоретическом и техническом знании, в своевременности интервенций, знании жизненного цикла (группы, клиента, пары, отношений и так далее). И, обеспечивая в экзистенциальной супервизии какую-то структуру, сеттинг, правила супервизии, мы передаем терапевту в экзистенциальной супервизии модель, то есть задача супервизии – передача опыта и модели отношений.

Участники:

– *Я могу откликнуться по поводу когнитивно-поведенческой терапии. На конференции Ассоциации когнитивно-поведенческих терапевтов они обнаружили очень интересную тенденцию. На этой конференции когнитивистики говорили об очень бережной работе с инструментом, это первое. Второе: никогда с места в карьер не прыгаем, потому что люди – разные, упражнения предлагаем очень аккуратно, долго запрягаем, а потом только едем. И говорили про долгосрочную работу. Потому что в начале когнитивно-поведенческая терапия все-таки опиралась на краткосрочные форматы работы, а сейчас и когнитивистики, оказывается, тоже говорят о том, что быстро ничего невозможно сделать. И это приближение к экзистенциальному направлению, и в том числе, теперь они и психоаналитические исследования используют в своей работе, в общем, как будто бы происходит такая интеграция разных подходов, сближение. В том числе, если брать гештальт, то появился клинический гештальт, и я посмотрела, как они там... Клинический гештальт, оказывается, тоже на разработки психоанализа опирается. То есть как бы идет такая интеграция подходов, сближение. Нет уже такого жесткого какого-то разделения в этом месте.*

И еще я подумала, когда ты говорила про вот эту попытку понять, что это, про терапевта, и что это, про проективную идентификацию, контрперенос...

– Про невротический контрперенос?

– *Да. И вот здесь тоже сейчас, если говорить про психоаналитические направления, то здесь очень популярна концепция, которую разрабатывает Томас Огден, который говорит, что все, что происходит в сессии, это все про пациента. Даже если вы сидите и*

у вас возникла мысль про вашего ребенка, это тоже что-то про пациента. Вот эта концепция аналитического третьего, то есть у них очень интересные на самом деле исследования в этом смысле.

И еще третий момент. Я подумала, что это, наверное, да, в любом подходе и в любой модальности есть разные супервизоры, и есть очень авторитарные супервизоры, а есть очень такие как бы мягкие супервизоры в смысле отношения к человеку.

- Я тоже наблюдаю за психоаналитиками – все очень по-разному проводят супервизию, и есть действительно, наверное, какие-то авторитарные фигуры, но если брать каких-то действительно звезд психоанализа, то это всегда очень тонкая работа, и я поражаюсь все время. Вот смотрела и из Великобритании психоаналитиков, и французских психоаналитиков – они очень ювелирно работают. И там нет такого, знаете... мне кажется, это тоже некоторое такое заблуждение, может быть, – вот это отношение к психоаналитикам, что они как бы сразу ставят диагноз, они сразу говорят: вот это – вот это, а вот это – вот то. Вот если говорить про супервизоров. Может быть, и мне такие супервизоры встречались, там точно этого нет.

- Ну, сейчас они достаточно серьезно подвинулись в области человеческих взаимоотношений, что если они даже перешли в онлайн-консультирование... То есть это большая гибкость случилась.

– Большая гибкость, и они на самом деле очень... Ну, если раньше говорили вот про эту позицию нейтральности, то сейчас сами аналитики говорят, что невозможно быть нейтральными.

– Но максимально все равно остаются нейтральными, это основной постулат, от которого они отталкиваются.

– Они как будто вносят Себя, это понятно, в терапию они вносят.

– Может, еще кто-то скажет?

- Я со вчерашнего дня думаю про диалог. У нас был прямо вот «я – ты», «я – оно». Для тех, кто слушал, можно еще и посмотреть. Меня это очень прямо цепляет. Вторая идея – это вот про протоколы. И коучинги вообще похожая часть по протоколу (...) значит, у тебя есть компетенции, по компетенции, проявил, не проявил, оценочно, как-то... Вот. И часто он не поддерживает. Вот он хорошо работает для оценки компетенций на зачетных сессиях у экспертов. Да, вот проявил, контракт с клиентом сделал – молодец.

– Для меня самая яркая идея – про модальность, что для каждого вида, наверное, работы, наверное, должна быть разная какая-то модальность в супервизии.

– Ты где-то посерединке сказала, что... процитировала даже автора, говорила о том, что... я прямо запомнила эту его фразу очень хорошо, просто я на этой фразе проснулась, понимаешь, реально. Все остальное время... я просто перестала засыпать. Но это не оттого, что лекция неинтересная

– Эрнесто Спинелли, когда терапевтический мир и супервизорский мир?

- Ну, скажи, пожалуйста, вот просто, знаешь, я так включилась, и потом я поняла, что про отношения, вот когда там начался разговор про отношения в супервизии, как будто это про живой контакт, что ли. И вот я прямо ожила. Прости, это я не к тому говорю, что я заснула, не потому что лекция была неинтересная, просто время, потому что в шесть утра встаю, недосыпаю, и потом вот у меня начинается. А тут я проснулась, понимаешь?

– Потому что, правда, вот когда начинается разговор про отношения, вот тогда появляется какая-то живость.

– Ну, получается, насколько я тебя чувствую и знаю, то есть это, по сути, началась тема, близкая твоей модальности, твоей идентификации. А до этого мы говорили про психодинамический подход, про анализ, когда супервизор является директивным. Я думаю, что вы даже сами заметили, как изменилось мое тело, мои интонации, когда я говорила в рамках своей философии, в своем мировоззрении – совершенно другая речь, если это мое, если это мне подходит, то как-то и много чувственности и чувствительности появляется сразу. И мне кажется, что все равно мы идем в разной модальности, исходя из своих характерологических каких-то особенностей, во-первых. Во-вторых, и от возрастных изменений тоже.

Вот ещё одна книга хорошая, очень рекомендую всем: шестифокусная модель супервизии «Вы – супервизор. Шестифокусная модель, роли и техники в супервизии». Она есть, ее можно найти. Я хотела бы уже перейти к групповой супервизии, потому что в группе, по сути, мы этим и занимаемся, чтобы не упускать ни один из фокусов супервизии. Первый (я уже немножко говорила) – ориентация на пациента (на клиента). Второй фокус – на терапевта (на супервизанта). Третий фокус - на собственных переживаниях супервизора, собственный контрперенос, на свои бессознательные процессы. Четвертый - на социальный контекст, то есть вот сейчас, например, мы не можем не учитывать социальный контекст, события, в которых находимся, захватывают всех. Фокус на еще более широкий – культуральный контекст обязательно. И, конечно, динамическое администрирование, вот особенно это важно для работы. Сама по себе форма групповой супервизии, и в этом смысле динамическое администрирование играет

основную роль важны правила проведения супервизии. Очень многое имеет значение - правила входа и выхода из группы, время, оплата, процесс супервизии, то есть обязательная процедура, какой-то сценарий отношений между супервизором и супервизантом. И в группе это уже все, что касается правил группы. И если какой-то один контекст выпадает супервизии, в идеале в индивидуальной и в групповой, то супервизионный процесс страдает, потому что тогда есть опасность, что будет перекося каких-то процессов и какие-то фокусы будут потеряны. И еще один важный фокус – это терапевтический. Потому что все мы – живые люди с какими-то ограничениями. То есть принятие собственных ограничений, что мы не можем объять необъятное, что мы не можем справиться со всеми страданиями всех клиентов мира, мы не можем всем помочь, всех вылечить, и поэтому всегда есть место поддержки и работе с собственными ограничениями в супервизии. Но еще раз повторю - изначально нужно очень четко представлять, где заканчивается терапия и где начинается супервизия, чем процесс терапии отличается от процесса супервизии. Вот какими способностями должен обладать супервизор - способностью объять вот эти все фокусы внимания одновременно.

Я сама сейчас работаю в групп-аналитической модели супервизии и мне интересно было бы поговорить о группе, о групповой супервизии.

Для начала, может быть, хотела бы к вам обратиться. Почему группа? Как вы считаете, какая супервизия эффективнее? Групповая или индивидуальная?

Участники:

- В группе больше информации, каждый делится
- Больше мнений
- Больше откликов, резонирует
- Больше чувств
- Больше вариантов
- Каждый в группе отзовется своим чувством
- Более объемная картина.
- Опытом своим. У каждого же свой опыт.
- Мне кажется, что участие в долгосрочной групповой супервизии помогает увидеть большее количество кейсов, примеров, чем в индивидуальной работе, ну, дай бог, с десятью клиентами. А здесь ты можешь увидеть и 50 жизней. 50 условных работ. Такого опыта ты сам никогда не получил бы.
- У меня опыт) такой, что вот групповая – это как, ну, отодвигается больше, расширение формата, а индивидуальная – можно прямо туда, как макро, сделать. То есть, может быть, больше деталей рассмотреть каких-то, то есть индивидуальные

какие-то вопросы, возможности. И невозможно сказать, что лучше, потому что и то, и то важно и ценно.

– Для меня еще важно в групповой больше и лучше увидеть свои ограничения профессиональные, в том числе, и свои «слепые» пятна, «слепые» зоны, ну, и попробовать там это потом уже на терапию принести. Это мои ограничения, потому что это я такая, или потому что это у меня мозгов нет. Поэтому, или зона ближайшего развития своего такое, ну, групповое, это очень бережно, ну, можно посмотреть

– Если это мультимодальный какой-то, то там можно обогатиться и как-то не застревать в тех рамках, которые привычны. Как-то так

– И бывает по-разному. И клиенты же бывают, допустим, если вот я свою любимую песню про подростков, бывает, ну, не всегда же гештальт там вот заходит, бывает, просто нужны простые алгоритмические какие-то техники с домашними заданиями. Человек ушел, а, сделал – прекрасно, не сделал – тоже повод для размышления, ну, тоже обучающий.

– Мне кажется, индивидуальная тоже очень для меня ценная, потому что это эффективно, наверное, учитывая, там, ограниченные ресурсы. Иногда ты пришел, и вот все время, которое есть, твое

Интересно, как вы думаете? Мы знаем о том, что невозможно думать об эффективной работе, если параллельно клиент ходит к разным терапевтам одновременно. И это не всегда полезно, когда групповая терапия совмещена с индивидуальной параллельно. А в супервизии? Можно ли одновременно ходить к разным супервизорам?

Участники:

– Иногда индивидуальная супервизия выступает как скорая помощь, если супервизорская группа через неделю, да еще и не твоя очередь

– Мне кажется, просто вот к вопросу – к одному или к разным, мне кажется, зависит тоже от профессионального становления. И мое представление о том, что вначале стоит к одному, чтобы вот эта методичность, вырастить этого внутреннего супервизора, а потом посмотреть, что бывает еще, когда уже есть возможность для расширения. Не для того, чтобы год походил, и в год каждую неделю новый, а обогатиться модальностями, подходами, смыслами.

– Да, действительно, это же отношения – супервизиант и супервизор, да? И в группе – отношения с группой, отношения с ведущим группы. И это настоящая глубокая внутренняя работа. И так же, как трудно найти терапевта своего, очень трудно найти своего супервизора, свою группу. Это непростая задача. И получается, что, в какой-то момент, начинающий терапевт (психолог), начинает бегать по разным супервизорам в

поисках своего. Но если мы говорим про то, что это отношения, то мы не выдерживаем своим сопротивлением, и не умеем работать над отношениями. Умение различать свои процессы, различать сознательное и бессознательное — это важная задача, долговременная все-таки, и полезная. Ведь пришел супервизант в группу, побыл два раза, две встречи, и ушел, обещав, не успев даже ничего понять. Для этого существует сеттинг группового супервизирования.

Буквально скажу несколько слов еще о процессах, важных, на мой взгляд. Потому что «проповедую» теперь, можно так сказать, как некую религию, формат групп-аналитической супервизии. Мне кажется, у нас, у моих коллег, получается. Мы говорим про преимущества этого метода. Есть мономодальные группы, в которых присутствуют представители одной модальности терапевтической. А мы работаем как раз с полимодальными группами, где присутствуют представители разных модальностей психотерапии. Присутствие специалистов разных модальностей делает картину рассматриваемого случая более объемным. Группы небольшие, предел — это шесть человек. Качественная групповая супервизия может длиться полтора-два часа. Вот в лондонском курсе рекомендуются полтора-два часа встречи.

Очень важное понятие — матрица группы. И очень важно понимать, кто приходит в группу, насколько он впишется в матрицу уже действующей, существующей группы, как приход каждого участника будет отражаться на групповом процессе. Поэтому обязательно нужны собеседования. Матрица — это система сложившихся связей, характер, образ группы. У группы есть свои этапы развития. Когда группа становится рабочей, то она служит прекрасным контейнером для участников и их клиентов, помогает укреплять и укреплять контейнер супервизанта, повышает способность к контейнированию каждого из участников группы, развивать доверие к собственным ресурсам. Группа направлена на совершенствование терапевтических способностей членов группы, на развитие чувствительности, и через такие процессы, как я уже сегодня говорила, параллельные процессы, через процессы развития способности к реверии. Реверии — это такая материнская чувствительность, угадывание того, в чем нуждается бессознательное, не на уровне слов, а на уровне какой-то такой вот интуитивной чувствительности, в чем нуждается супервизант, клиент. Вот развитие этой способности к реверии, по сути, и является одной из главных задач профессионального роста терапевта. Кроме того, я бы еще хотела сказать про такое понятие, как соматический резонанс, очень важное в группе. Еще мы работаем с такими феноменами, как контрперенос, проективная идентификация, понимание тоже процессов отыгрывания и разыгрывания, как понимание того, что происходит в контакте между терапевтом и клиентом. То есть в группе есть возможность подсмотреть

«материализованную» картину коммуникации, того, что происходит вообще в терапевтическом мире. Задача супервизора состоит в том, чтобы отношения между участниками группы и работа в группе продвигалась и становилась глубже, чтобы помочь супервизанту и группе супервизантов продвинуться на соответствующую глубину со своими клиентами. Хотелось бы пояснить, что мы работаем не через интерпретации, не через оценки, не через гипотезы, а через ассоциации, образы и анализ, соприкосновение к собственным переживаниям.

Мне очень нравится эта идея Винникотта – про каракули. Вот через эти переживания, символические образы группа, эти участники, своего рода так рисуют каракули, в которых мы пытаемся разглядеть с помощью функции реверси, какие же основные потребности у клиентов, и какие особенности контакта между терапевтом и клиентом. Вобщем эта работа – большое глубокое творчество, особое искусство!

Хотелось бы закончить, свою лекцию словами К.Юнга, которые можно считать своеобразным завещанием. Всегда юнгианские аналитики - участники группы, привносят в работу группы много образов, символики, мифологии, сновидений клиентов или своих собственных, очень интересно. Вот Юнг, фактически, такое оставил нам послание: «Практическая медицина всегда была и остается искусством. Это верно и для практического анализа. Истинное искусство – это творчество, а творчество выше любых теорий. Вот почему я говорю всем начинающим: учите как можно лучше свои теории, но откладывайте их в сторону, как только вы соприкасаетесь с чудом живой души. Решать должны не теории, а ваша творческая индивидуальность». Спасибо! Теперь передаю вам слово, хотелось бы оставить время на ваши ассоциации, мысли, может быть своими размышлениями и опытом поделитесь.

Участники:

– *Вот к вопросу, можно ли совмещать индивидуальную и групповую супервизию. Ну, я совмещаю, точно, мне и то, и то нужно, как специалисту. Мне кажется, это еще как бы от практики зависит и от личности, потому что надо же сказать о том, что, как супервизор групп-аналитических групп, он же тоже нуждается в супервизии. Нужно же где-то супервизировать и своих клиентов. Это вторая группа, да? И есть еще индивидуальный супервизор. Действительно большое счастье – найти своего супервизора, это как удачно выйти замуж. Мне кажется, это как пытаться понять, что полезнее – брокколи или цветная капуста. Мне кажется, и то, и то.*

– *На практике, конечно, возможно. Но наверняка, если ходишь к разным супервизорам, индивидуальным, то в этом отношении, как бы, группа супервизорская не одна, да?*

Потому что, действительно, если использовать супервизию только как скорую помощь, то есть быстро у кого-то что-то взять...Ну, кусочками, да, такими?

– Да, невозможно на этом строить практику длительной работы. Получается, как бы, пытаюсь длительную работу выстраивать, сами мы способны на длительные отношения с клиентами. Просто такие очень часто бывают же случаи.

– Хотелось услышать про ошибки супервизионных групп, что бывает там не так?

– Ты говорила, что бывает. Ты мне давала две, когда путается личная терапия и супервизия.

– навязывание своих гипотез.

– Любая группа может стать супервизорской?

– Я хотела сказать, что можно посмотреть, если вам интересна, во-первых, работы Биона, Фукса про группы.

– Мы не про группы разговариваем, а про супервизию.

– Там очень много (...), что мы используем в групп-аналитическом подходе в супервизии. Анти-группы, У Юлии Артамоновой есть записи прекрасная лекция про анти-группы. Недавно перечитала, переслушала И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство», тоже меня потрясло.

–Особенно часто встречается у начинающих терапевтов. Они действительно очень боятся супервизии, потому что супервизия в первую очередь выглядит, как оценка. И когда они приносят свои кейсы, случаи, да, есть такое переживание нарциссической уязвимости, что мне сейчас что-то такое скажут, и я просто рухну как терапевт. Действительно, супервизия профессиональных уже специалистов и начинающих – она отличается, потому что, мне кажется, вот для начинающих терапевтов супервизор часто является поддерживающим, да? То есть как бы здесь очень много сомнений в своей компетентности. Вот это комплекс самозванца и все остальное, как бы, приходится очень много поддерживать идентичность терапевта.

– Так-то люди ходят в группы супервизорские и обнаруживают, что там намного легче спрятаться.

– Да. И вот это понимание, оно как бы так смешно, про то, что – а-ха-ха, там, супервизоры тоже ошибаться могут. Ну, вот это знание, которое позволяет видеть реальность, и что это тоже люди, что это не какие-то палачи, которые клеймят, а люди, которые помогают.

– Ну, и в этом подходе задачи, да, там, в основном главные задачи динамического администрирования – это дать возможность каждому участнику получить свое место и

место себе оставить. Когда эта группа становится рабочей, то с тебя снимается очень много таких вот властных, что ли, функций, которые на первом этапе организации, развития группы, ну, просто необходимо выполнять. Группа тебе навязывает эту роль и, там, от тебя ждет, что ты будешь что-то за них делать. На каком-то этапе твоя задача вот – сделать группу средой. Так и называется курс, в котором мы учились, «Группа как среда». И задача супервизоров – сделать группу, не себя, такого умного, богатого знаниями, а сделать группу такой, работающей, поддерживающей средой. Ошибка, кстати, тоже в этом состоит, что если участники группы только нянчатся друг с другом, но не имеют возможности высказывать какие-то недовольства, агрессию размещать свою.

– Действительно, групп-аналитическая супервизия, да, потому что, во-первых, здесь специалисты разных модальностей, причем, разного опыта. То есть нет какой-то стагнации. Многие удивляются, как это можно совмещать. Вот. И ведь особенность этого подхода заключается в том, что все рассматривается с точки зрения группового процесса. И когда участники приходят, то очень беспокоятся, что они переживают какие-то непростые чувства, в виде, там, злости, раздражения, обиды, да, и когда они вносят это в группу, ведущие смотрят на это с точки зрения матрицы, группового процесса, действительно, как бы, становится гораздо легче. Потому что у участников, например, моих супервизионных групп есть опыт участия в других группах, да, где этому участнику сказали: «Так, это твое, пожалуйста, вот это не надо сюда, это, там, разбирайся сам!» А сюда вносится все. И это очень полезно на самом деле, это развивает. И участники таких групп говорят, что чувствуют, как они профессионально растут, укрепляются в своей идентичности.

Елена Шуварикова:

- В последние две минуты я подумала о том, что сегодня можно наглядно увидеть, как в нашей программе «Терапевтическое взросление» участники вырастают в супервизоров. И Елена Фридман хороший пример. Интересно в этом смысле сложился ее путь - из академической психологии она пришла в практику, сложилась практика травматерапевта при землетрясениях в Армении и Индии. Потом постепенно нашла свое сообщество, после завершения третьей ступени, училась групповой супервизии...

– И, кстати, я пришла в нашу цикличную программу, вдруг сегодня утром осознала, что пришла на третью ступень как раз на этой теме «Я и мой супервизор». И вот теперь я супервизор и читаю доклад на эту тему в программе.

– Очень символично. Это Путь в профессии. Выпускница нашей программы переходит в ее ведущие. И отучившись на курсе «Группа как среда для супервизии», который наш институт проводит в сотрудничестве с Лондоном, Лена сейчас начинает работать

супервизором для супервизоров, которые на шестом потоке будут обучаться этой групп-аналитической супервизии. Лена аккредитовалась и как аккредитованный групповой супервизор ИСиГРа, она входит в программу как супервизор для супервизоров. Мне представляется, что это типичный путь в нашей профессии, когда хочется в какой-то момент уже передавать, делиться накопленным опытом. И будучи таким, как бы чувствительным творческим, клинически, как ты сказала, клинически... что?

– Клинически мудрым?

– Да, клинически мудрым, становиться супервизором.

Автор Е.Фридман, к.пс.н..